

В.Б. ПАСТУХОВ

ЛОГИКА ИСТОРИИ И БОЛЬШЕВИЗМ

Можно утверждать, что большевизм был логическим воплощением нового типа российской культуры – своеобразного и неповторимого синтеза европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективизма

Большевизм отождествлялся многими авторами с идеями коммунизма. В действительности это разные вещи. Коммунизм — случайный и несущественный признак большевизма, который вполне мог быть и некоммунистическим. По форме большевизм выстроен рационалистически — как «критическое» учение. Но по сути, как мне представляется, он мало чем отличается от религии. Большевизм — не столько цель, сколько метод ее достижения, крайне субъективное стремление к преобразованию действительности и воплощению в ней некоей абстрактной истины. Можно утверждать, что большевизм был логическим воплощением нового типа российской культуры — своеобразного и неповторимого синтеза европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективизма.

Рассматриваемый в таком ракурсе большевизм, по нашему мнению, в какой-то мере близок ранним формам европейской Реформации, которые ставили задачу радикального разрушения унаследованного светского и религиозного порядка и возведения совершенно нового общества. В конечном счете большевизм выступал как одна из превращенных форм русского православного мессианства.

Владимир Борисович Пастухов — научный директор Института права и публичной политики, кандидат юридических наук, доктор политических наук, профессор

Связь большевизма с марксовым учением диалектически противоречива. С одной стороны, то, что большевизм окончательно сформировался, приняв оболочку марксизма, есть, как я думаю, некая историческая случайность. С другой стороны, в этой случайности есть и определенная закономерность. Неорганичная культура России не смогла воспринять ценности эпохи модерна. Марксизм, являясь систематизированным отрицательным выражением идеологии Нового времени, был наиболее удобной формой восприятия европеизма. Русский коммунизм в этом смысле оказался своеобразным продуктом усвоения идеологии Нового времени. Естественным финалом эволюции большевизма стало его оформление в качестве политической силы. То, что Ленин осторожно назвал «партией нового типа», оказалось зачатком государственности будущего. Следовательно, в недрах старой культуры не только развивался новый «культурный тип», но и рождалась новая государственность.

«Обрыв» исторического развития в 1917 году, деление истории на российскую и советскую существуют, думается, лишь в воображении многих людей, а не в действительности. Советская история логически продолжает линию развития цивилизации от Московского царства. В истории не существует страниц и событий, лишенных смысла. «Белые пятна» есть в ней лишь для тех, кто не хочет или не умеет читать книгу истории. История создает даже тогда, когда разрушает.

Октябрьскую революцию 1917 года действительно трудно объяснить, если смотреть на нее как на обыкновенную социальную революцию, в ходе которой произошла смена одного экономически господствовавшего класса другим. Эту революцию подготовил и осуществил не экономический, а особый «культурный» класс. Только в мифологии большевизма этот класс был передовым отрядом пролетариата, в реальности это был авангард российской интеллигенции.

Большевистская революция вписывалась в логику российской истории. Она замкнула череду скачкообразных «подвижек», которые несколько раз на протяжении истории потрясли общество. Нужно различать исторически необходимые и исторически случайные последствия Октябрьской революции. К исторически необходимым результатам можно отнести установление господства нового «культурного типа». К случайным последствиям — воздействие, оказанное на общество в целом и на каждую личность революционным, насильственным способом разрешения противоречий и раскола.

За представителем новой культуры, возобладавшей в стране после революции, прочно закрепилось

название «гомо советикус». Однако те, кто сегодня активно бичуют его негативные черты, как правило не задаются вопросом, какие из них являются существенными характеристиками данного «культурного типа», а какие — признаками, приобретенными в результате многолетнего применения по отношению к человеку насилия, порожденного революцией.

Если отказаться от мифологизации российской интеллигенции, то можно обнаружить, что многие из приписываемых «гомо советикусу» черт вполне соответствуют душевному строю «русского интеллигента» XIX века. Н.А. Бердяев писал: «При поверхностном взгляде кажется, что в России произошел небывалый по радикализму переворот. Но более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революционный образ старой России, духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей, бесов, давно уже владеющих русскими людьми. Многие старое, давно знакомое является лишь в новом обличье». И свету явилась безликая и агрессивнопассивная личность, которая известна сегодня под именем «гомо советикус».

Несмотря на некоторые свои внешне отталкивающие характеристики, «гомо советикус» исторически являлся представителем более высокого типа культуры, нежели культура раскола. «Гомо советикус» — массовый тип личности, рожденный на почве российской культуры. Но очень долгое время облик этой личности определялся не ее действительной сущностью, а теми усилиями, при помощи которых она появилась на свет и развивалась.

Новое государство было создано руками и разумом российской интеллигенции, сознание которой не освободилось от общинной психологии и иллюзий. Поэтому, являясь творением индивидуалистической по форме культуры, образованное под вполне европейскими лозунгами государство оказалось в чем-то подобным «восточной деспотии». Коммунистическая власть, так же как и при Петре I, имела в своей основе насилие, решала с его помощью свои задачи. Но уровень насилия был неизмеримо выше, что обуславливалось характером целей. Российский «тоталитаризм» стал своего рода прессом, под давлением которого специфические культурные слои должны были уплотняться до состояния монолита.

Переворот в культуре революцией не закончился, он ею начался. Власть действовала по двум направлениям: жестоко подавляла любые проявления старой, как аристократической, так и патриархальной (крестьянской) культуры и активно насаждала в обществе новую культуру. Европеизированный культурный «класс» был сломлен уже в гражданскую войну. В ходе коллективизации были уничтожены

и основы общинной, крестьянской культуры в России. Освободившееся место не осталось незаполненным. В процессе большевистской культурной революции происходила массовая «переделка» сознания выбитых из привычной культурной среды людей.

Создав монокультурный тип «гомо советикус», авторитарное государство во многом исчерпало свои культуuroобразующие задачи. Постепенно началось внутреннее разложение власти. Чем больше представителей утвердившегося повсеместно «культурного типа» кооптировалось во властные структуры, тем более слабело государство. В данном процессе, набравшем темп с середины 1950-х годов, был свой инкубационный период, когда шедшее внутри разложение не проявляло себя открыто. В 1970-е и 1980-е годы XX века энергия распада вырвалась наружу.

Большевизм, по нашему мнению, в какой-то мере близок ранним формам европейской Реформации, когда задача состояла в радикальном разрушении унаследованного светского и религиозного порядка и в возведении на освободившемся месте совершенно нового общества

У каждого исторического цикла есть критический момент, вершина, когда идущие подспудно процессы обнаруживают себя открыто. Эта вершина делит цикл надвое. В первой части противоречие медленно вызревает; во второй, уже проявив себя, оно с возрастающей скоростью развивается и в итоге тем или иным образом разрешается. Второй период, как правило, короче первого. Каждый цикл российской истории имел такую вершину.

Культурный тип нации оказался другим, нежели культурный тип существующей власти. Произошло культурное отторжение ставшей чуждой народу государственности. Старая государственность, созданная под прямым или опосредованным влиянием предшествующей культуры, исчерпала себя. На место отторгнутого государства должно встать новое. Но требуется время, чтобы общество выработало новую государственность, адекватную новой культуре.

Перемены в общественном и государственном строе России далеко не случайны. Они подготовлены длительным периодом исторического развития и связаны в первую очередь с эволюцией российской культуры. Наша эпоха становится эпохой новой культуры. Ее распространение является важнейшей и непосредственной предпосылкой развития в России политического государства и гражданского общества. Новая культура нуждается в адекватных ей социальных и политических институтах. ■